

Дмитрий
Драгилёв

ТОР- ШЕР

СТИХИ
ЭССЕ
ПЕРЕВОДЫ

РУССКИЙ

ГУЛЛИВЕР

Дмитрий Драгилев

Тор-шер

НП «Центр современной литературы»

Драгилев Д. Г.

Тор-шер / Д. Г. Драгилев — НП «Центр современной литературы»,

ISBN 978-5-91627-193-5

Восьмая книга берлинского поэта, музыканта и журналиста Дмитрия Драгилёва, принадлежащего, по мнению литературных кураторов, к числу наиболее интересных и активных представителей русского поэтического сообщества Германии, включает в себя не только новые стихи, но также эссе и переводы из современной немецкой поэзии. Тексты, уже известные по публикациям в толстых журналах и онлайн-изданиях («Гвидеон», «Воздух», «Новая Юность», «Берлин.Берега», «TextOnly», «Топос», «Ergo Journal» и др.), предлагаются читателю в версиях, специально подготовленных для этой книги.

ISBN 978-5-91627-193-5

© Драгилев Д. Г.
© НП «Центр современной литературы»

Содержание

Базар-вокзал или... привычка жить в Берлине	5
Песни улиц	15
Рондо	15
«Мы вне контекста...»	16
«Проявим ботанический интерес...»	19
«Помнишь, как все тебя хотели – и честные...»	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Дмитрий Драгилёв Тор-шер

Базар-вокзал или... привычка жить в Берлине

Мой опыт общения с берлинским метро отягощен банальными подробностями. График подземки, помноженный на расстояние от любого подъезда до ближайшей станции, дает один и тот же результат: в урочный момент поезд скрывается в туннеле. Бег трусцой не спасает положения: все равно не хватает каких-нибудь одной-двух минут. Стоит приблизиться к заветной лестнице, еще секунду назад почти пустой, как по ней начинают подниматься пассажиры, напоминая массовку во время кино съемок: сигнал «мотор», статисты пошли. Словно во времена Сирина (Набоков упомянул этот факт в романе «Отчаяние»), недра «выплывают» народ порциями, по мере прибытия поездов. Поневолу выругаешься, завидев очередных вынырывающих: значит поезд как раз тю-тю. Учитывая собственную перманентную спешку, и то, что десятиминутные перерывы здесь наблюдаются даже в час пик, зрелище досадное. Хотя радует отсутствие неиссякаемой толчеи на лестнице, на перроне, в вестибюлях. Ибо, по Мандельштаму, в «толпе лиц не видно, но живут самостоятельно одни затылки и уши». В Киеве, например, за минуту ожидания на платформе скапливалось такое число граждан, которое способно было поместиться в вагонах лишь путем экстремального уплотнения. Кроме того, берлинские вагоны почти не гремят, при отправлении и прибытии состава всегда услышишь голос собеседника; никаких тебе турникетов и эскалаторов немыслимо длинных. Немецкий U-Bahn расположен на уровне канализации: откройте люк – и вы уже в пути. Экономия времени и лишней шанс увидеть колышущееся платье кинозвезды над вентиляционной шахтой подземки. Впрочем, с кинозвездами плоховато. Разве что мелькнет знакомый бомж, оживший гротеск карикатуриста Георга Гроша – с головой, похожей на хэллоуинскую тыкву, помесь профессора Мориарти и вервольфа Николсона.

Берлинский концерн «Werner Media» в свое время учредил и издавал (в числе прочего) «Еврейскую газету» на русском языке. В декабре 2006 года в ней можно было прочитать такое сообщение: «Как заявил Ратушняк (мэр Ужгорода. – Д. Д.), Адольф Гитлер, придя к власти, “в первую очередь расстрелял 300 трамвайных зайцев”. Мэр подчеркнул, что именно с того времени началось “бурное развитие страны”». В современном Берлине, лихорадочно борющемся с социальными льготами, «зайца», трижды застигнутого врасплох, могут упечь на полгода в тюрьму. После полуночи линии метро, как правило, прекращают свою работу. Причем в первую очередь заканчивается сообщение с наиболее бедными жилыми районами. Добираясь из солнечного Штеглица в пасмурный Веддинг, попадаешь только на вокзал Zoo. Хотя, если разобраться, у каждого города – свои причуды. В благополучном восточногерманском Эрфурте первых лет XXI века трамвай к вечеру меняли свой маршрут и номер. Неискушенный путешественник из точки А в точку Б мог очутиться вовсе не там, куда направлялся.

Пассажиры городского транспорта – бесправный народ. Иногда мне кажется, что именно на них отрывается государство, не желающее отвечать за ранее прирученных граждан. Или это один из удобных способов дать выход агрессии по адресу представителей нетитульной национальности, нелегалов, маргиналов и других безлошадных, а стало быть, неимущих. Для сравнения – два примера. В начале 90-х (в пору резкого роста цен на проезд) в рижских трамваях чинили облавы: вагон останавливался на перегоне, в него влетала целая толпа контролеров, которые устраивали нечто среднее между проверкой билетов и шмоном. Не раз был свидетелем грустных сцен, когда не приглянувшихся безбилетников тузили и выкидывали на улицу (невзирая на возраст). С чем-то отдаленно напоминающим облавы иногда сталкиваешься и в Бер-

лине: выходишь на перрон, а тебя встречает эскорт сотрудников местного «трамвайно-троллейбусного треста».

Трамваи в Берлине не отменили, вопреки предрекавшему это Набокову. А роковой и экзистенциальный смысл рельсового пути, где бы он ни пролегал – в городе или вне города, на мостовой, под или над ней – тема классическая. Неспроста первое, что бросается в глаза на перронах берлинской электрички (надземки, эстакадной дороги) – отнюдь не название станции, которое тоже присутствует, а сообщения наследников г-на Безенчука и фирмы «Нимфа». Глядишь в вагонное стекло, ищешь глазами табличку, хочешь знать, куда приехал, не Дибуну ли? Находишь сразу – длинненькую, вытянутую, прямоугольную, а на ней какое-нибудь «Wittenburg Bestattungen»¹. Прямо над перронной скамейкой. Да и по городским кварталам почти на каждой улице – вывески наравне с вокзальными, ресторанными, вплоть до неоновой рекламы и украшений брендмауэров: «Tag und Nachtruf, global, seit 1905». (Звоните днем и ночью, хороним по всему миру, с 1905 года.) Спрашивается, зачем ночью звонить? Вывозят и тайно закапывают?

Транспарант «Billigbestatter»² красуется едва ли не на фронте одного из вокзалов германской столицы. Странно, почему до сих пор не догадались использовать для этой информации афишные тумбы? Референций много. Поневоле вспомнишь и Дюма, и Ильфа, и Целана, и *temento mori*. И все же даже Берлин, то сумасшедший, то вот такой, почти макабрический, расхолаживает: население движется прогулочным шагом. «Въезжая в эту страну, словно влезаешь в домашние шлепанцы», – сказал однажды рижский радиожурналист Алексей Романов. Мне пришла в голову несколько иная фраза: Германия – зона недомашнего консервирования. Или псевдомашнего? Дежурная вежливость, условная добропорядочность, тихо пестуется общий знаменатель – калориферное, среднеарифметическое тепло. Однако пожаловаться на полный дефицит мимики нельзя. Эпизоды, свидетелями которых я был в середине нулевых, сегодня, наверное, не достойны упоминания. И все же приведу некоторые.

Негр – немцу, попросившему его маленькую дочь вести себя потише: «Ты сейчас вылетишь из автобуса» (*Du fliegst jetzt aus dem Bus raus*).

Немка при виде турецкой семьи – он, она, дети во множестве (по-мусульмански запеленавшая себя мать окружена чадами мал-мала-меньше, которые облепили ее со всех сторон): «Бабы нужны для того, чтобы детей иметь» (*Weiber sind dafür da, Kinder zu halten*). «Не я их отец» (*Ich bin nicht der Vater*), – ищет аргументы мужчина.

Не только в общественном транспорте, но и в городе вообще периодически материализуются «наши», чей дресс-код и фенотип неумолимо мутируют в местную сторону – не опознать. Нечто подобное иногда происходит и с «ними». Так немецкий журналист, руководитель пресс-конференции на конгрессе по ксенофобии, был сильно похож на русского актера, исполнявшего главную роль в «Секретном фарватере» – советском фильме о Второй мировой. Но отличался плохой (немецкой!) дикцией и странными гримасами: то потупит взор, то улыбнется без видимых причин на серьезной теме. Не потому ли, что в докладе представителя России преобладали слова: «практики», «идентичность», «субкультура», «дискурс», «электральный ресурс», «моральная паника»... Не помню, как реагировал переводчик. У толмачей зачастую роль незавидная. На другой встрече – корпоративе топ-менеджеров – в составе российской делегации присутствовали депутат Государственной думы, шефы «Н-тяжмаша», «У-газпрома», строительных, лесопромышленных, водных и продовольственных отраслей. Организатор зачитал приветственное слово, перечисляя известные имена, дескать, в разные годы в данное историческое здание заглядывали на огонек канцлеры Гельмут Коль, Герхард Шредер, а также Франц Бекенбауэр, которого иногда называют немецким кайзером. Переводчица (на

¹ Название похоронной конторы.

² Можно перевести как «дешевый гробовщик».

немецком): «В разное время этот зал посещали бывший канцлер Коль, бывший канцлер Шредер и германский кайзер Франц Бекенбауэр».

Впрочем, вернемся к шлепанцам. Время от времени на одной из линий метро возникает призрак... стихотворца. Обутый зимой в сандалии, поэт-бомж просит милостыню в каком-то автоматическом режиме, глухой скороговоркой бубня и затверженные куплеты-сонеты, и дежурный «жене-манж-па-сис-жур». Смотрит «искоса, низко голову наклоня», при этом настолько быстро движется по проходу (перегоны между станциями длятся не дольше минуты), что кинуть ему в стаканчик «этвас копек ауф дем штюк брод» технически невозможно.

Набоков в «Даре» писал о том, как в утренних берлинских дворах звучали слова *Prima Kartoffel*, произносившиеся «тонко и сдержанно-певуче». Нынче на многих улицах видишь лавки смуглых зеленщиков, поминутно выкрикивающих самым развязным и в то же время цельнометаллическим тоном: «Томатен айн ойро, томатен айн ойро!!!» Зычная фраза «помидоры за один евро» звучит совсем по-турецки.

Каждый пытается сбыть свой товар как может. Еще недавно процветала реклама по телефону. Неожиданно в твоей квартире раздавался звонок, и незнакомый человек предлагал тебе сыграть в лотерею, суля неслыханные результаты, среди которых возможность попасть на модную телевизионную передачу, или пытался навязать страховку; в крайнем случае советовал приобрести что-нибудь. Убалтывающего обрывали на полуслове. Бодро начатая фраза вербовщика: «Heute möchte ich Ihnen die einmalige Gelegenheit geben...» – прерывалась глаголом «aufzulegen» и короткими гудками. Ради такой фразы стоило позвонить, ибо она хороша сама по себе: «Сегодня я хотел бы предоставить Вам уникальную возможность... положить трубку».

Нельзя сказать, что в Берлине нет очередей. Люди послушно выстраиваются друг за другом к кассам торговых центров, в присутственных местах, на почте, на лестнице, ведущей к Рейхстагу. В магазине каждый день – что-нибудь забавное. Появляются восточные женщины и складывают дикое количество решеток с яйцами в корзины. Доверху. Куда столько? Если в гешефт, то почему не в оптовом универсаме, в «Metro»? Немец потасканного вида стоит в очереди к кассе с пластиковым пакетом из российского супермаркета полным пустых бутылок. «Автоматический тарный пункт» здесь пока не установили. Русская кассирша, усердно скрывающая свое происхождение, привычно выпотрошила пакет в картонную коробку, но одну бутылку вернула владельцу. «Почему?» – спросил немец. Кассирша повертела бутылку, на этикетке надпись по-русски: «Крем-сода». Ну, думаю, сейчас-то она расколется, продемонстрирует знания. Молчит, пустила бутылку через сканер. Считывающее устройство жалобно пискнуло. «Видите, – торжествуя заметила кассирша, – не тот сигнал!»

Однажды разоткровенничался мой сосед-продавец: «Кассиры уже не только знают тебя в лицо, они знают твою фамилию». «Мою? Каким образом?» «А ты карточкой всегда расплачиваешься». Лишний повод убедиться в отсутствии анонимности.

Сакраментальный вопрос берлинца, желающего занять очередь, звучит обычно так: «Вы первый?» Хотя, как говорится, бывают и иные случаи. Вот очередь к автомату, принимающему тару. Подошедшая женщина просит пропустить ее: она принесла всего одну бутылку. «Стой, где была. Видишь, все стоят!» – восклицает покупатель африканской наружности, он второй в очереди. Женщина пытается возражать. «Du hast nichts zu sagen» (Помалкивай), – ставит точку чернокожий на ломаном немецком. Тоже вполне банальная история, показавшаяся мне когда-то на общем фоне необычной.

В этой связи вспоминаю эпизод, запомнившийся благодаря поездкам в Киев. В гастрономе, расположенном на самой известной киевской площади, очередь в отделе бакалеи и напитков. Солидный мужчина лет шестидесяти подходит прямо к прилавку и зычным голосом объявляет: «Я тут стоял. Мне бутылочку, вон ту». Покупает фунфырик: «Сдачи не надо, это вам на депозит». Фунфырик опорожняется залпом, не отходя от кассы, на глазах у очереди и продавщицы. Очередь молчит, продавщица не возражает.

В июле 2008 года повезло сняться в эпизоде немецкого фильма (опять приветы Набокову!), точнее – телесериала: роль пассажира поезда «Каштан» на маршруте Берлин-Киев. Самым интересным в этой истории было наблюдать, как совсем-даже-не-верзилы динамично раскачивали вагон с помощью брусьев, разумеется, деревянных. Старый InterCity-вагон с отсеками, отдаленно напоминающими наши купе, стоял на запасном пути товарной станции Лихтенберг. Случилась и беседа с режиссером, который сгоряча прервал экспромт массовки, затянувшей было песню «Дорогой длинной» в тамбуре. Сочувствуя коллегам-статистам, я не удержался от объяснений, что опознанный постановщиком хит конца шестидесятых «Those Were The Days» на самом деле является переделкой популярного русского романса Бориса Фомина и в сюжет картины вписывается идеально.

Со станцией Лихтенберг оказались связаны мои первые и вполне дурацкие впечатления от Берлина по пути в Ригу из глухой немецкой деревни. Дорога на «малую родину» в 1995 году от начала и до конца категорически не желала ладиться. Вначале мне предстоял Эрфурт, чтобы потом добираться автобусом до Каунаса, где ждала пересадка на следующий автобусный маршрут – Каунас-Рига. Водитель, взявшийся меня довезти до первого пункта назначения, тащился по-черепаши, и к отправлению каунасского автобуса мы опоздали. Единственная мысль, которая пришла мне в голову в сложившейся ситуации – рвануть в кассы эрфуртского ж/д вокзала, где я наивно предполагал купить билет на рижский поезд. Добыть билет мне удалось только до Берлина. Окошечная тетка объяснила, что, если я хочу попасть в Латвию, не миновать мне германской столицы. Впрочем, обнадежила: с одного из столичных вокзалов – со станции Лихтенберг – действительно уходит поезд на Ригу, и я успею на него. Правда, лишь в том случае, если помчусь в Берлин ближайшим рейсом. Ох и муторный был рейс!словно соревнуясь с деревенским шофером в степенях замедления, поезд постоянно застревал на перегонах, так и не доставив ни одного пассажира до вожделенного Лихтенберга. Почему нас высадили на первой же берлинской станции, я не ведаю до сих пор. Пришлось бежать на местную электричку – S-Bahn, чтобы успеть... Мои усилия пропали втуне, берлинский экспресс ушел. Но вовсе не в Ригу, а на Саратов, как вскоре выяснилось. Либо эрфуртская кассирша не ощущала между городами бывшего СССР принципиальной разницы, либо разумно полагала, что главное – отправить меня хотя бы в Саратов, а уж до Риги я как-нибудь доберусь.

Осмотревшись и волоча за собой груженные книжками чемоданы, я решил изучить расписание поездов. Увы! Поезд, следующий на Ригу или имеющий Ригу на маршруте, в таблице не фигурировал. В лихтенбергской кассе меня, однако, уверили, что в Латвию можно попасть, если воспользоваться рейсом на Петербург. Эта информация прозвучала дико, поскольку Рига в перечне остановок питерского поезда также не значилась. К тому же после «саратовского инцидента» у меня возникло некоторое недоверие к немецким служащим в вопросе «постсоветской компетентности», даже если эти чиновники облечены формальными полномочиями железнодорожно-финансовой власти. Но делать нечего, вняв словам кассирши, я попытался купить билет. Подчеркиваю: попытался, поскольку из покупки ничего не вышло – кассирша не торопилась продать его мне, ссылаясь на отсутствие сведений, есть ли в поезде места. «Ждите, – весомо подчеркнула она, – поезд подадут на платформу в 11 часов вечера. Вот тогда вы проясните у проводников ситуацию, купите место и потом уже придете ко мне».

Последующие 7 часов я почему-то предпочел провести на вокзале, сдав поклажу в камеру хранения, которая работала лишь до десяти, но в город так и не выбравшись... Как-то переборков оставшийся – лишний – час, потащил я свой багаж на перрон. Первый пойманный мной кондуктор был весьма суров и обсуждать со мной тему наличия мест наотрез отказался. Единственное, чем помог мне суровый мужик – снабдил ценной информацией: у питерского поезда имеется литовский вагон. Насчет Риги прозвучали одни туманные фразы. Оставалось разыскать «литовских» проводниц. Девушки оказались приветливее, успокоив, что местечко для меня найдется, но вот продать его они мне смогут только с разрешения начальника поезда. Я

ринулся искать начальника, однако тому было совершенно не до меня. Понимая, что теряю время впустую, я побежал назад в зал ожидания, бросив багаж на перроне. В ту пору в Берлине железнодорожные кассы работали до полуночи. Предъявить кассирше «купленное место» я не мог, и все же она странным образом поверила мне на слово, в билете не отказала. Вид билета подействовал на проводниц. Так или иначе они последовали примеру кассирши, поверив, что с начальником поезда я уже договорился. Когда начальник навестил литовский вагон, высаживать меня было поздно.

В Белостоке мне торжественно сообщили, что к составу прицеплен новый вагон – рижский. Мое путешествие, однако, едва не закончилось в Бресте, где потребовалась белорусская транзитная виза и возник серьезный риск отстать от поезда. По счастью все обошлось, я благополучно добрался до Литвы, откуда «петербургский экспресс» проследовал дальше, а вагон наш плавно вписался в обычный литовский состав на Ригу. Наверное, моему приезду могли бы позавидовать сразу несколько легендарных персонажей: и Максимов – герой Акадия Райкина из фильма «Мы с вами где-то встречались», и неудачник-пассажир из известной юморески Задорнова про два девярых вагона, и любой шпион, реальный или мнимый, включая Ленина в девятьсот семнадцатом.

Гораздо плачевнее завершилась моя автобусная поездка из Эрфурта в Киев в 2003 году, познакомившая меня со шпаной и беспризорниками Центрального железнодорожного вокзала столицы Украины. В результате в разных украинских городах – от Львова до Днепропетровска мне пришлось жить с временным немецким паспортом, в котором отсутствовала украинская виза. Местные инстанции не понимали, что же им вклеить в мой заграндокумент, выданный посольством Германии взамен украденного юными гопниками. В такой же тупик их ставила неизбежная необходимость однажды выпустить меня из страны. Воистину вопрос на засыпку: как пересечь границу и убраться восвояси человеку, который не может доказать, что он не десантник-парашютист, и документально засвидетельствовать, на каком основании здесь околочивался. В связи с этой историей и языком, который до Киева доведет, вспоминаю фразу из письма члена Общегерманского координационного совета российских соотечественников: «Уважаемые коллеги, по не зависящим от меня причинам нахожусь в Украине».

Однажды пригласили меня выступить с рассказом о танго и Оскаре Строке в берлинском клубе киевлян.

– Здравствуйте, это Мария, – говорит женщина с таким прононсом, будто только вчера приехала из Одессы. – Вы выступите у нас в клубе «Киев»?

– В клубе геев? – пошутил я.

Дама или не расслышала, или не поняла юмора и невозмутимо продолжила:

– Вышла книжка об Оскаре Гиммерверт. Вы, думаю, в курсе.

– Знаю. И могу принести еще одну книжку, свою.

– А зачем еще одна книжка? Одна уже есть...

Киев-не-Киев, да только расклад почти по Жванецкому. Выступления на общественных началах, клубы по интересам. На самом деле, работа такого свойства имеет давние традиции в «пространстве немецкого языка». Вспомним, что в ответ на прошение Вольфганга Амадея Моцарта, Венский магистрат смог ему предложить лишь «место без жалования». Сегодня подобные «места службы» стали обычной формой трудовой деятельности. Что уж говорить о свободных профессиях.

В конце прошлого века немецкий устроитель концерта «Русская ночь» зазвал меня и музыкантов моего ансамбля к себе домой. Еще недавно он обещал подрядиться на роль импресарио эмигрантского джаз-оркестра. Теперь же рассказал об убытках, которые понес, о том, что музыка – дело неприбыльное. Уклонившись от выплаты обещанной суммы вознаграждения (договор заключен не был), Строке, автор Анисим намекнул на идею бизнеса с Украиной как перспективу нового сотрудничества. О щетине и ее поставках. Тогда один из участников

беседы распахнул ворот и обнажил волосатую грудь, а другой вспомнил фильм «Подвиг разведчика». Там тоже речь велась о щетине, только закупки предлагал делать советский агент. Интересно, что задолго до «Подвига разведчика» тема таких поставок прозвучала в рассказе Саши Черного «Письмо из Берлина»: главный герой планировал организовать сбыт щетины из берлинских парикмахерских в Эстонию.

После объединения Германии из Берлина было выгоднее и удобнее поставлять зайцев. Причем вовсе не трамвайных. Впервые я наблюдал их на пахотных землях по окраинам тюрингских деревень: огромных зайцев, сидящих в траншее, чем-то похожих на кенгуру. Позже меня поразило постоянное «военное» присутствие этого зверя в столичных парках и жилмассивах. Впрочем, речь, скорее, о кроликах. Именно они, те самые, которые «не только ценный мех», свободно передвигались по германской столице. Будто Берлин – и не город вовсе, а так, слегка застроенные сельхозугодья. Но берлинский кролик – порода особая. Бывает зверек карликовый, бывает королевский, а тутошний кролик – застенный. Точнее говоря – пристенный. Ибо жил он долгие десятилетия при берлинской стене. На пограничной разделительной полосе, полосе отчуждения, нейтральной полосе и как там еще все эти полосы юридически называются. Однако стену разрушили, и сорок тысяч любопытных носителей ценного меха устремились в Тиргартен. Никто не объявлял ни охоту на них, ни отлов, никто не кричал «ну, погоди!», но желающие поживиться ждать себя не заставили. Затосковали звери по былой резервации, да поздно. Возвращаться некуда. Пришлось спешно рассредоточиться по разным районам города.

За четверть века немецкого единства зайцы в Берлине стали почти дефицитом, скажу больше: с некоторых пор их вытесняют непуганые лисы. О моих собственных дневных и вечерних встречах с этим новым отрядом городской живности нужно рассказывать отдельно. В Латвии подобные факты освещались в прессе. Осенью 1938 года рижская газета «Сегодня вечером» сообщила: «На Тербатской улице прохожий поймал серебристую лисицу. После непродолжительной погони лисица была поймана за хвост Альбертом Лусте, проживающим на ул. Кр. Барона. Он заметил ее, направляясь на работу. В полиции Лусте предъявил свои права на находку и по закону должен получить третью часть ее стоимости. Лисица, за неимением другого помещения, была посажена в одну из камер, приспособленных для вытрезвления пьяниц».

Что к сказанному добавить? Лусте – фамилия бывшего директора музыкальной школы, в которой я учился, позже проректора Латвийской академии музыки. А вытрезвителей в Берлине нет. Бродяги в окружении не лисиц, но личных собак безмятежно опорожняют и свои бутылки, и себя самих на каждой десятой лавочке, в скверах, парках и прочих укромных местах. Иметь четвероногого друга в позднем СССР всегда было признаком относительного материального благополучия и даже социального статуса. Почему же в крупных городах Германии с породистыми псами разгуливают в основном бомжи и гопники? По принципу всё тех же клубов? Или их соединила собачья жизнь?

«Сделайте что-нибудь!». Этот вопль отчаяния можно услышать отнюдь не от бомжей, но – по-русски — от «безъязыких» эмигрантов, пытающихся беседовать с представителем социального ведомства. Интересно другое: *что* подразумевает горланящий. Безработицу, квартирные проблемы? Увы, все гораздо проще. Так выражен призыв о помощи в ситуации необходимости и невозможности собственными силами объясниться на незнакомом наречии здесь и сейчас.

Наверное, неспроста журналист из Баден-Бадена Яков Бердич предложил учредить газету «Новости дна».

Мужик, играющий на аккордеоне у входа в один из берлинских рыночных павильонов — настоящая находка для музыковеда. Никогда бы не подумал, что «Голубка» Ирадьера

настолько перекликается с «Санта Лючией». А слыша вдохновенное творение, которое он ная-ривает изо дня в день, понимаешь, мимо какого открытия прошла наука.

Выгнать аккордеониста никому не под силу. Дабы создать ему конкуренцию, на рынке поставили рояль и пригласили автора этих строк в качестве тапера. В этой связи допущу маленький экскурс.

С клавишными инструментами я общаюсь дольше, чем помню себя. Неизгладимый след – сердитое оканделябренное пианино «Санкт-Петербург» в квартире родителей. Мама когда-то разучивала на нем свои первые гаммы, а досталось оно нам по дешевке от местного почтальона. Как это произошло? В Риге в начале пятидесятых почтальоны разносили не только почту, но и денежные переводы. Однажды злоумышленники отобрали у почтаря его знаменитую «толстую сумку на ремне» и несчастный письмоносец был вынужден распродавать имущество, чтобы покрыть «недостачу».

Личное погружение в клавиши протекало долго и трудно. Сопливы́й возраст побудил запустить в инструмент поленом. Это я случайно так умудрился. В классе седьмом повезло написать сразу два сочинения: за себя и за того парня – друга-приятеля. Тема – связь между предметами обихода прошлого и настоящего. Потирая руки, я спонтанно надиктовал товарищу – в характерной для него сугубо устной манере – опус о печках и калориферах, что-то, как мне казалось, косноязычное и топорное, а сам подготовил аккуратный текстик о развитии клавишных – от монохорда до фортепиано. Оба мы получили пятерки. Причем «сочинение одноклассника», выполненное в стиле сказа, удостоилось особой похвалы учительницы при разборе домашних заданий. О сказе я тогда не ведал, следя только за тем, кому училка дарит свои джоули, а также за КПД печного и клавирного тепла. Клавишные и впрямь – как биологический отряд, порядок в иерархии живых существ, хотя фортепиано по сути – дитя технического прогресса. Обратите внимание на внутренности пианино, они напоминают ткацкий станок. А внешний «колесно-педальный вид» рояля вызывает ассоциации с автомобильным транспортом. «Рояль – слишком дорогая и бесполезная часть интерьера, чтобы этот предмет приобретать «для фасона», он может попасть в квартиру только на правах домочадца. Он громоздок и громок, у него нет выхода в интернет», – отмечают практичные немцы и неизвестно, шутят они или всерьез.

Да, этот объект не подключен к мировой паутине, но он определенно имеет связь с космосом. Наверное, поэтому взрослые посетители украшенного роялем рынка подводят вплотную своих малышей или держат на руках карапузов так, будто те способны именно здесь и сейчас приобщиться. А некоторые совершеннолетние даже внутрь заглядывают. Что ни говори, странное устройство в неожиданном месте на фоне повсеместных электронных приспособлений. Ау, коллеги, перформеры! Зачем ломать голову над очередными изошрениями, ведь можно просто исполнить туш в перерывах между стуком топора по свиной туше. Лабух, наярывающий свои пассажи в таком пассаже, неизбежно становится (как минимум) детским аттракционом.

Рынок, который я имею в виду, расположен в Моабите. Моабит – остров, ныне освоен турками. Гранича с районом Веддинг и станцией Zoo, он омывается по периметру водой каналов и реки Шпрее. Как символ и диаспоры, и отшельничества. Или наоборот, место встречи по пути из тьмы египетской в обетованную землю. Мимо моавитян. Между вечным зоопарком и вечной свадьбой. Out of nowhere. Остров-острог – почти Алькатрас. Галерея сидельцев велика: политики – от Радека до Хонеккера, поэты – от джазиста Парнаха до героя Джалиля, тюрьмы не изжиты здесь до сих пор. Три действующие, из них одна женская. И еще мемориал на месте печально известной и благополучно скрытой тюрьмы Моабит, расположенный «у стен» Центрального вокзала. Наверное, в этом тоже есть какая-то глубинная символика, если вы, впервые попав в Берлин, выйдя из поезда, с одной стороны вокзала обнаруживаете ведомство федерального канцлера и купол Рейхстага чуть поодаль, а с другой – созерцаете старые тюремные кирпичи. Кстати, трудно понять, что имел в виду отец автора написанных в этих

застенках «Моабитских сонетов», противоречивый эзотерик и первый геополитик-теоретик Карл Хаусхофер, когда упомянул о своем поверхностном, но личном знакомстве в Мюнхене с братьями Ульяновыми: «Мы и не подозревали, что одному из них суждено угодить в руки палача, а другой под именем Ленин станет всемирной знаменитостью». Лично для меня абсолютная новость, что Александр Ульянов, казненный в 1887 году, успел побывать в Мюнхене, да еще и вместе со своим младшим братом Володей, до 1895 года за границу не выезжавшим...

Постепенно Моабит выходит из островного состояния, приобретает товарный вид, становится модным. Галерные рабы уступают место героям хипстерианы, воображающим себя воинствующими моабитниками. Но и поэты по-прежнему живут здесь. Достаточно назвать Монику Ринк, лауреата премии им. Клейста. Недаром слог «мо» – один из тех, которыми распеваются певцы.

Разговариваем с Борисом Замятинным о будущем журнала «Ру.Башка».

– На какой электронный адрес тебе материалы присылать? – спрашивает Борис Ильич.

– На «кипсалу».

– А что это такое?

– Остров такой в Риге.

– Восхищаюсь твоей фантазией. Придумай какой-нибудь остров, может мы за него зацепимся!

Скажите мне, куда уплыли киты, на которых держалась Земля? Почему брюнетки в адыгейских мифах «лунарны», их волосы символизируют ночь, а лица «светят» во тьме? Вечером в берлинские парки лучше не соваться. Фонари в них как правило отсутствуют, да и лица местных девушек едва ли помогут. Разве что на отдельных аллеях... Когда-то экипажи бургеров и дворян медленно двигались по весеннему корсо Тиргартена, а шеф берлинской полиции ввел в оборот выражение «эпоха увеселительных корсо». В качестве вывески слово «корсо» попало на двери дансингов Берлина, Цюриха и Рижского взморья. (Это уже в советское время «Корсо» в Юрмале превратится в общественную столовую, и необычное название станут увязывать с Персеем, разместив на стенах соответствующие панно. Наверное, деятели общепита заподозрили в незнакомом слове «чисто фонетическую» связь с мореплавателями Древней Греции.)

К Тиргартену примыкает Потсдамская площадь. Помню, как на ее месте красовался огромный котлован и разливанное море. В ту пору я пробовал себя в роли церковного организатора, правда не в Берлине, а в тюрингской деревне, той самой. У деревенского пастора была неожиданная фамилия Хан и не менее неожиданная внешность – вылитый Фред Макмарри, звезда нуара и первых джаз-оркестров. Из деревни я снова торопился в Берлин, дабы не пропустить не поезд на Саратов, но гастроль легендарного биг-бэнда: в Берлинской филармонии (оказавшейся тогда едва ли не на краю котлована) давал концерт оркестр Гленна Миллера. С классическим репертуаром: «Серенада лунного света», «Коктейль лунного света»... Оркестр на проверку оказался голландским лицензионным. Немцы тоже горячо любят, на зубок знают, очень давно и хорошо играют Миллера. Воздействие музыки Гленна на сознание послевоенной молодежи здесь было почти аналогичным тому эффекту, который произвела его же «Чаттануга» в СССР. Но в вопросе приобретения европейской франшизы соседи из мельничной страны оказались смекалистее и шустрее.

Между прочим, с Миллером мало кто может сравниться в трепетности исполнения свинговых баллад. В балладах – свои луны. Меланхолия исчезновения и созерцания, ностальгии, недосказанности, любовного пепла, оставшегося от тепла. Перемещающиеся оттенки, хрупкие и зыбкие грани параллельных пространств. Как шутят немецкие астрономы, «мы – звездная пыль в самом демифологизированном смысле».

В отечественной традиции у луны был несколько иной привкус. «И на штыке у часового горит полночная луна!» – восклицал Федор Глинка. «Скучно, грустно [...] Колокольчик однозвучен, отуманен лунный лик», – возражал Пушкин. «Кремнистый путь блестит» у Лер-

монтова. «Неуютная жидкая лунность» разлилась у Есенина, в Берлин заглядывавшего. «Луна стоит на капитанской вахте [...] Уходит женщина, любимая тобой» – у Луговского. Хотя других наблюдений – тоже в избытке. «Молодая луна – это языковой образ, ежемесячно обновляемый небом», – писал Виктор Шкловский, временный берлинец. Бродвейской и голливудской Америкой пахнет еще одного временного берлинца – Вертинского: «Как лунная голубая дорога [...] мелодия властно влекла за собой в какой-то иной мир, мир невыразимо прекрасных чувств, светлых и чистых как слезы во сне, [...] заколдованный мир [...], точно опрокинутый в [...] озера таинственный ночной лес, залитый лунным светом». Спросите, при чем тут немцы? Но ведь «Лунная соната» – бетховенское изделие, а сама луна, если верить Поприщину, – продукт хромого бочара из Гамбурга.

У немцев есть хорошее выражение: *Blick über den Tellerrand*. Перевести чужой идиома-тический оборот – дело нелегкое, особенно, когда нет точного эквивалента. Присказка «видеть дальше своего носа» в качестве перевода не подходит, «совать свой нос в чужой огород» – тем более. Речь о способности мыслить шире, видеть то, что творится за пределами круга, будь это лунный нимб, барабанный обод, каемочка блюда, свет от торшера или пространство, намертво схваченное той или иной кольцевой дорогой. Наверное, нынешних русских литераторов Берлина, да и некоторых других германских мест, можно сравнить с лунатиками, живущими на «диффузных ногах». Далеко не все из них интересуются тем, что делают коллеги-немцы. Но и немцы, увы, почти не в курсе ситуации русских «диаспоральных» авторов, ситуации, которую, как я уже писал однажды, отличают фантомные черты: кто-то испытывает фантомную боль, кого-то будоражит и сбивает с толку фантомный читатель. Впрочем, это уже здешняя нездоровая специфика влияет. Не зря же фельетонист Ансельм Нефт добрую половину берлинцев подозревает в фантомности: вечерних велосипедистов, традиционно пренебрегающих бортовыми огнями, многочисленных «представителей свободных профессий» в тренировочных костюмах. Для Нефта важен Гамбургский счет, вот он и плачет вдогонку ускользающему значению встреч и событий.

Остаются ритм и динамика города, а они воспринимаются нами сквозь призму собственной *со/причастности* к жизни места, зависят от остроты, от ощущения степени вовлеченности. Моя вовлеченность в определенный момент приняла характер чересчур замысловатый и извилистый, нервный и путанный, отнимавший всякий рефугиум личного острова, когда беготня вполне подошла к критической точке, а также для того, чтобы два разума воспалить и усыпить одновременно, а там уже и чудища у ворот пасутся. В немецком языке есть слова, которые, несмотря на отсутствие общего корня легко составят цепочку: Traum (мечта) – traue (доверять, заключать брак) – Trauma (травма) – Trauer (печаль). «Твое молчание зачастую случается в ненужное время», – роптала подруга. Нас познакомил К., обладатель нескольких фамилий и псевдонимов, бывший издатель Довлатова, о котором Сергей Донатович в переписке с Ефимовым отзывался критически. Подруга, впрочем, цитировала не Довлатова, а Набокова, и спрашивала меня, для каких дальних времен я свои мысли приберегаю. «Думаю, что самый простой телефонный звонок – вполне уместный способ описания каждодневных вещей». Я отмахивался и снова бежал за трамваем или мчался опрометью в метро, пестуя паузы, не выбираясь за круг торшерного освещения или жалуясь на ерунду, завалы, бекарный блюз, ярился или хандрил, теряя из виду следы толстых ангелов, слезы булочниц, диаломы барышень, живущих у ручья, этюды для Этьенетт, прислушиваясь только к многоязыкой городской мешанине.

Вот пожилой алкаш флиртует с юной карлицей-олигофреншей. «Я всегда уступаю дамам», – размашисто произносит старик с бутылкой в руке. «Да, и это справедливо», – адекватно и вдохновенно радуется низкорослая фройляйн. Напротив – польская парочка. Парень рассказывает что-то. Она спрашивает: «Кто?» Тот отвечает. Девушка опять с вопросом: «Где?» Ответ. Кивок. Все-таки, как хорошо, если люди понимают друг друга...

Однажды я услышал вопрос, адресованный мне случайной прохожей: «Вам нравится жить в Германии?». «Это привычка», – ответил я, поразмыслив.

«МЫ ВНЕ КОНТЕКСТА...»

Сергею Штирцу

Мы вне контекста
Ландшафтной номенклатуры
Здесь было маленькое пружинистое государство
Высококрасное
Оставившее после себя
Одну единственную накладную
Скандальную
Финальное слово потомкам в конце письма
«Целую»
Мы даже не винтики
В его опустевших цехах
Отданных на съедение
И в миткаль вживается муравей
Примеряя ткани
В контексте чужом
Отданном на съедение
Новым хипстерам
На даче канатчиковой
Гремящим мелочью
Относительной недоступности
Приготовьте мелки
По всей земле мело
По всей зиме
Перехитрить голос
Перехитрить голод
Перехитрить город
Перехитрить географию
Скрупулезно
Крупинками слёз
Чём туже пояс шахида
Пояса семьдесят
Второй Девственности
На широте рижских шпрот
За давностью лет
Вот уже ответили
Вот уже отметили
На высоте
Щирые самостийники
Ну, здравствуй, на все лады
Голем из глины
Так Цахес растет из теста
Так говорил Заратустра
А, может быть, Феликс Кон

Кончита Вурст, лишенная секса
Твердите зады
Телевизионной программы
Тару с нектаром
In fin dei
Conti. Акции не стареют
Хакерам на потеху
У акации нервный тик
Ее сожрут целиком
У «Севрюги» ход самый тихий
Я знаю, вам похер
Нет, мы не секта
Дети Шмидта и Гранта
Вылезли из «Трабанта»
Мы не ставим на кон
И не берем на понт
Не материал игноранта
Предпочитаем котурны
И контурные
Карты игральным
Но, пока не спонсирует «Телеком»
Давай попробуем покер
Аккуратно, культурно
И правильно
Готовя почту и почву
В Опочку и крокодила налево
Мы отхлебнули
«Напареули»
Закушали хлебом
Заполировали пивком
Прислушались к батарее
Подтянись, Винсоки
Ведь теперь у каждого свой балкон
И вид с балкона
Не только на Шпрее
(Местный Меконг)
Но и на классические потоки
Кельнской воды
Ведь это в ней
Разобраться и мыслимо, и легко
Здесь Рейн-Енисей
Пойма и полный набор Валгалл
И, кажется, *Néskar*
Полдень светится как фингал
Галчонок – не Полифем
Печкин – не Одиссей
Он всегда отвечает, кто
Пришел. Без включения инте... ллекта
А мы поставили на поток

Песни кинто
Преимущественно для тех, кто
Тащится под варнацкие бздыки
И эживоки
Былинно, негромко
Необратимо
В каждой графе
Изучаем следы
Целинников в Астане
И бороду конармейца в доте
И доблестный Трансвааль в огне
И Фрэнсиса Бэкона соттовесту в антике
(Или topless. Все включено и немножко экстра)
Или обломки, текто-
Нические картины
Графов и ничевоков викторианской эпохи
Где-нибудь на Луне
Но с помощью Цейса их не найдете
Помни, пойми,
 где – лес (приём),
 где – КПП,
 повернись спиной ко мне
Иначе мы не осилим теста
Работаем побратимами
Города Оймякон
Мы, может быть, на Кон-Тики
Мы попросту вне
Мы
Вне
Контекста

«Проявим ботанический интерес...»

Проявим ботанический интерес
К девчонке, поставленной вверх ногами
Какой-нибудь Тане на перекрестке Кудама
и канцлера Конрада
Из сути беседы медведей Гами вынут
необходимый рельс
Условными оригами украшена комната

Залив ботанический подвержен пунктирным ритмам
и лабиринтам
Терра фанерно-ягельная закавычена,
котовасии прячутся в пороховые мешки
Бумажной мякотью привычно заело принтер
Фоткой Фреда Астера, заснувшего у щеки

Гитары повернуты деками, грифы похожи на частокол
Кирха стоит где была, колокольня на месте,
и как-то влом мне
Конспектировать греческий зал и мифический
протокол
Готского съезда эсдеков, который никто не помнит

Кушая консоме, предлагаю странам нашарить
новый густой язык,
ведь его поймет любой инвалид
Пока немец солидно, как пиво, тянет свой Lied
болид или байк
Будем равняться на гуглмэйл,
который при регистрации сообщает мне:
eyes calsolid³
а еще Cros-ties etynaik

Празднуем капчу

Поскребись
Употреби аквавит
Алфавит, как персик, мягкий и гуттаперчевый
Перстень – преодоление, а может быть,
продолжение коготка
за день все зпт разошлись пробуем тчк

³ Как известно, когда мировая паутина должна опознать в тебе человека, например, при восстановлении пароля электронного почтового ящика, нужно «распознать» и воспроизвести в соответствующем окошке некие буквы (чтобы подтвердить, что ты сам не компьютер).

«Помнишь, как все тебя хотели – и честные...»

Помнишь, как все тебя хотели – и честные,
и мерзавцы, олухи и мошенники
пошлый конгломерат с трезвыми женками,
радужными рефренами
книжками о Ключевском Василии от Милицы Нечкиной
пираты, морские свинки, приват-доценты
и лица к императорам приближенные
сбились в отель на очередной консилиум
предпочтя завтрак серьезным решениям
со спитым чаем и минскими гренками
а также парад нижних конечностей

(по Барбаре Винкен, этот телесный акцент в своей мощной
напряженности излучает способность
и готовность к насилию...
что-то отчаянно воинственное и презренное)

варварский пост в сети, плывущий жжеными
карминными половинками
платяной шкаф в качестве печки, ибо тепло
исходит от шкафа
платим дружно, кафетерия закроется скоро.
Транслируются как по телику
с буратинного поля приветы семье, а еще брательнику

(würdest Du auch mich grüßen oder wenigstens winke mir⁴ —
грустно, весело ли, лукаво)

Улисс возвращается на эту улицу
будьте в отражениях осторожны
старая пара в трамвае ведет опрос о том, кто из нас не
заметил гостей и корыто не сдал в починку
парень с резиновой куклой или гитарой
шатается по площади Александра
если нахлынет, не уточняйте количество лиц
и кто живет в доме
отчего же так сводит скулы, кто на тыльной следы
громоздит стороне
аватара, движения месяца перочинного
или луны, ладони
скрытых линий глиссандо?

желчь или жесьь – из озера правды сермяжной —

⁴ Хотел(а) бы ты и меня тоже поприветствовать или хотя бы махни мне рукой (нем.).

по капле смахивай
последний луч солнца, вполне промозглый,
просит из снов всех
отобрать те, в которых пылают щеки или поет
рыцарство сентябрей

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.